

Феномен советской цивилизации

Борис ЛЕПЕШКО,
доктор
исторических
наук, кандидат
философских
наук, профессор

Можно спорить относительно того, пришло ли время для системного изучения феномена советской цивилизации. Понятна аргументация тех исследователей, которые утверждают: историческая дистанция между такого рода прошлым и настоящим слишком мала для того, чтобы оценки были точными, максимально беспристрастными, а научный поиск мог бы быть верифицируем хотя бы с точки зрения временных констант. Но и контрдоводы против такого рода подходов могут быть весомыми. Скажем, советское прошлое на наших глазах превращается в историографический (как минимум) феномен, и хорошо бы, пока не поздно, зафиксировать его не только в аспекте психологическом, ментальном, эмпирическом, но и философском, методологическом.

Интерес к СССР и феномену советскости перерос академические границы и вполне может быть рассмотрен с точки зрения не только нашего настоящего, но и ближайшего будущего. К слову, с этой точки зрения советский опыт есть предпосылка реализации прогностических функций науки. По аналогии можно вспомнить известную ремарку О. Шпенглера, утверждавшего, что история Древнего Рима и Древней Греции есть парафраз развертывания современной истории, надо лишь научиться читать этот свиток. Те же слова можно отнести и к советской истории, о чем будет сказано ниже.

Помимо всего прочего, советское прошлое актуализируется на наших глазах. К нему апеллируют как к аргументу, его привлекают как доказательство или опровержение, его вспоминают и с точки зрения реальных современной политической борьбы, и в аспекте психологической поддержки целого поколения людей, которые жили в ту эпоху и предпочитают говорить о ее ценностях, а не недостатках. В каком-то смысле можно даже говорить о современности советского миропонимания, советской философии жизни: живы и здравствуют многие носители этих ценностей, достаточно уверенно по некоторым параметрам чувствует себя известная методология, марксизм-ленинизм, можно говорить и о соответствующей социальной практике, в том числе на примере развития суверенной Беларуси.

В данном контексте само понятие «цивилизация» отдельно не анализируется – это тема особого разговора. Можно лишь сказать, что правомерность употребления указанного термина применительно к советской истории обусловлена рядом факторов. Во-первых, к ним относится понимание уникальности этого исторического, государственного, философского, ментального феномена. Во-вторых, мы можем достаточно четко зафиксировать временные, смысловые, философско-психологические, политические и иные границы существования описываемого явления и его существенные черты. В-третьих, понятие «цивилизация» здесь может быть рассмотрено достаточно широко, и автор не считает себя связанным каким-то одним ее толкованием.

В предлагаемой читателю статье речь пойдет лишь о некоторых методологических подходах к пониманию феномена советской цивилизации. И первый вопрос, который возникает в подобной связи, может звучать так: чей же это проект, СССР, каких универсальных умов, кто может претендовать на лавры теоретических предтеч данного феномена?

Можно даже сказать, что это проект европейский, поскольку именно европейская интеллектуальная традиция заложила основы советского миропонимания и соответствующий теоретический базис. Надо лишь сразу подчеркнуть: речь идет именно о теоретических, концептуальных явлениях

и процессах, поскольку на уровне личных исканий, да и народных утопий в целом данная традиция была распространена повсеместно, и здесь критерий «Запад – Восток» не работает. Легенды о «золотом веке», уравнильные проекты – такая же принадлежность всех стадий развития человеческого общества, как и протест против любых форм эксплуатации. Здесь и сочинения Лао-Цзы, и социальное учение раннего христианства, и дискуссии древнегреческих мыслителей вокруг проблем имущественного неравенства, и ереси, и устное народное творчество, и уравнильный коммунизм анабаптистов.

Пожалуй, первой литературной утопией, которая несла в себе черты концептуальности и дала имя всей домарксовской традиции, было одноименное произведение Томаса Мора. Для нас важна констатация не только того факта, что английский канцлер XVI века провозгласил необходимость преобразований как в сфере потребления (о чем говорилось и до него), так и в сфере производства, но и то, что Т. Мор выдвинул социальный идеал, близкий гуманистическим традициям, и этому идеалу дал концептуальное обоснование.

Вообще говоря, мало обращают внимания на тот аспект учения Т. Мора, где идет речь о социальном оптимизме, возможности реализации гуманистического идеала. Утопизм ведь больше касается

средств, а вот в части идеала, как показало дальнейшее интеллектуальное развитие, можно и нужно спорить. Отвлекаясь, заметим, что как раз сегодня, в период господства «людей дела», прагматиков, наиболее остро стала ощущаться потребность именно в идеальных умопостроениях. Мечта о «золотом веке» – это ведь вовсе не принадлежность исключительно прошлых веков. Идеальные конструкции, проекты будущего могут рождаться не только на основе ничтожности средств производства и тяжелейшей борьбы за выживание, но и в качестве альтернативы удушью обществу потребления.

Конечно же, говоря об СССР как западном проекте, невозможно ограничиться обращением к трудам наиболее известных представителей западного способа мышления, западной философской, экономической, исторической традиции. Советский проект вызревал в ходе многовекового развития, он воплощал в себе высокое качество общественно-политической мысли и совокупные усилия многих универсальных умов человечества. Достаточно вспомнить известное замечание Ф. Энгельса о том, что немецкий теоретический социализм «стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна – трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен, и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно». О каких, интересно, идеях речь идет прежде всего?

Характеризуя в одной из своих работ («Развитие социализма от утопии к науке») взгляды Ш. Фурье, Ф. Энгельс писал, что французский социалист беспощадно вскрывает все материальное и моральное убожество буржуазного мира и сопоставляет его с заманчивыми обещаниями прежних просветителей об установлении такого общества, где будет господствовать только разум. Он высказывает такую мысль: сам по себе идеал, даже рационалистический (всесилие разума), сталкиваясь с действительностью, может обнаружить свои концептуальные недостатки. Другими словами, разум не всемогущ. Если эту констатацию перенести (экстраполировать) в нашу

ОБ АВТОРЕ

ЛЕПЕШКО Борис Михайлович.

Родился в 1955 году в городе Волковыске Гродненской области. В 1978 году окончил Гродненский университет имени Я. Купалы. Работал заведующим орготделом Гродненского горкома ЛКСМБ (1978–1980). В 1983–1985 годах – доцент Брестского строительного института. С 1985 по 1991 год – лектор Брестского горкома КПБ, инструктор, заместитель заведующего отделом, заведующий идеологическим отделом Брестского обкома КПБ. С 1991 по 1995 год – доцент Брестского госуниверситета имени Пушкина. В 1995–2000 годах – председатель совета по делам религий и национальностей Брестского облисполкома, в 2000–2005 годах – декан юридического факультета, в 2005–2007 годах – первый проректор Брестского госуниверситета имени Пушкина. С 2007 года – профессор БрГУ имени Пушкина, профессор Опольского университета (Польша). Кандидат философских наук (1983), доктор исторических наук (2000), профессор философии (2001).

Автор свыше 350 научных, литературных работ, статей. Среди них монографии, сборники публицистических работ, эссе, повести, статьи. Сфера научных интересов: логика, философия истории, методология познания.

сегодняшнюю жизнь, то обнаружится парадокс: новое поколение нынешних свободных людей, которое не знало ни господства моноидеологии, ни сталинских репрессий, ни «удушающих объятий» пионерских и комсомольских организаций, а зрело и развивалось на прекрасных и высоких идеалах либеральной идеологии, может тяготеть к экстремизму и ксенофобии. В конце 2010 года в Москве на Манежной площади тысячи молодых людей протестовали против того состояния российской действительности, которое они считали несправедливым, не имеющим ничего общего ни с либеральными идеалами, ни с какими бы то ни было идеалами вообще.

Конечно, параллель между преклонением просветителей перед всемогуществом разума и нацистскими лозунгами вырвавшихся на оперативный простор молодых людей, подогревающих себя ксенофобскими настроениями, может показаться надуманной. Однако суть в данном случае не только в параллелях, но и в том очевидном факте, что идеалы тогда чего-то стоят, когда сопровождаются работой в массах, решением простых и понятных большинству населения задач, пониманием иерархии предпочтений и следованием ей и т.д.

Когда мы говорим о связи советского опыта с западной интеллектуальной традицией, то имеем в виду, прежде всего, универсализм идеи социальной справедливости, требования отмены частной собственности, лозунга социальной справедливости. Весь вопрос находился в плоскости придания этим вечным идеям статуса научности, что и было предложено К. Марксом и Ф. Энгельсом в известной теории. Можно ли в свете этого советский опыт назвать следствием немецкой традиции или интеллектуальной традиции Франции, является ли он результатом усилий английских авторов или американских деятелей эпохи Гражданской войны за независимость и последующего развития страны? Очевидно, нет. Заслуга Ф. Энгельса и К. Маркса состояла в том, что они предложили вариант развития социальных событий, исходя из накопленного интеллектуального опыта и соответствующей практики всей западной цивилизации. И ведь суть в том,

что этот проект стал реальностью. Что бы и как бы ни происходило в дальнейшем (гибель СССР), не приходится отрицать главного: опыт реализации той великой мечты, над деталями и средствами достижения которой бились самые светлые умы человечества, имел место после 1917 года. То есть, упрощая ситуацию, можно констатировать: в главном и Томас Мор, и Роберт Оуэн, и Гракх Бабеф были правы. Идеи социальной справедливости, основанные на ликвидации частной собственности (ее ограничении), разрушении основ эксплуатации в сфере производства и несправедливостей в сфере потребления, гармонизации общественных отношений, могли быть реализованы на практике и были реализованы на практике.

Здесь, кстати, есть и такой интересный момент. Если предположить, что советская цивилизация была выпестована западной, то не следует ли из этого, что гибель СССР предвещает гибель и западной цивилизации? Идея не столь фантастическая, как это может показаться на первый взгляд. Ведь вся отечественная интеллектуальная традиция вплоть до XIX века базировалась на достижениях западной мысли. И доводилась до самой высокой степени концентрации. Вспомним декабристов, поколение Отечественной войны 1812 года – они возрастали на идеях французского просветительства, Вольтер, Дидро были их кумирами. Вспомним и последующую генерацию узкого круга «архивных юношей», как их называл А. Пушкин. Здесь уже правили бал Кант, Гегель, Шеллинг, позже Фейербах, словом, господствовала немецкая философская традиция. Правда, именно в это время появился и П. Чаадаев, который сказал одно из первых самостоятельных слов на ниве отечественной интеллектуальной традиции, но это уже несколько иная тема. Поэтому нет ничего удивительного в том, что выдающийся русский мыслитель Г. Плеханов в иных исторических условиях «заболел» марксизмом, стал верным адептом этой теории, сделал очень многое для ее популяризации в нашей стране. Владимир Ленин в этом смысле был «сыном» Г. Плеханова, хотя стоит оговориться, что Георгий Валентинович писал после революции 1917 года,

Скульптура
В. Мухиной
«Рабочий
и колхозница»
в Москве

что если В. Ленин и является его «сыном», то незаконнорожденным. Речь шла, конечно, о тактических разногласиях в русской революции.

Таким образом, западное влияние, как минимум, очевидно, и связь русской революции начала XX века с соответствующей западной практикой сомнений не вызывает. Но как быть с традицией национальной?

Конечно, утверждение, что В. Ленин, его идеи и соответствующая социальная практика находились в русле столбовой дороги духовных исканий наших предков, было бы, наверное, слишком смелым. Основным лейтмотивом русских духовных исканий с начала XIX века были не только поиски социальной справедливости, искания правды, но и поиски социальной истины с точки зрения таких ценностей, как религия в качестве высшей ценности и ненасильственные действия как средство достижения цели. Вот по этим двум основным пунктам В. Ленин и его дело плохо вписываются в национальную интеллектуальную традицию.

Отвлекаясь, заметим: когда-то был популярным вопрос – ответственен ли мыслитель за то, что его идеи после его ухода из жизни в иные эпохи могут быть использованы вопреки человечности? Классический пример – Ф. Ницше и идеология нацизма, заимствование идей великого немецкого мыслителя идеологами ведомства Геббельса. Продолжая аналогию, логично задаться вопросом, виноват ли К. Маркс (западная цивилизация) в том, что в советскую эпоху (30-е годы XX века) его идеалы и мысли были интерпретированы столь пагубно? И, в продолжение: как сопрягаются две ветви русской философской традиции – одна, скажем условно, соловьевская (от Вл. Соловьева, самого крупного нашего мыслителя-идеалиста) и другая ленинская. Кто и за что несет историческую ответственность? Скажем, ответственен ли Ленин за деяния своих последователей? Но вопрос может быть поставлен и шире: а несут ли ответственность духовные отцы из лагеря либералов, из стана философского идеализма за то, что произошло в XX веке?

Ведь не является откровением, что главные достижения великой национальной

культуры второй половины XIX – начала XX века были связаны вовсе не с марксизмом, вовсе не с плехановскими идеями о базисе и надстройке, материалистическом понимании истории и широко известными идеями Владимира Ленина. Главные достижения, которые лежат в основе отечественной национальной духовной традиции, были выработаны Ф. Достоевским и Л. Толстым, Вл. Соловьевым и Н. Бердяевым, П. Флоренским и В. Розановым. Собственно, список этих выдающихся имен известен и не нуждается в комментировании. Но почему же тогда на острие общественного интереса, в эпицентре политических изменений встала фигура Ленина? Это что, историческая случайность? Игра некоего глобального марксистского разума? Может, истоки произошедшего (исторический выбор народа, революция) надо искать в психологии масс, ментальности?

Методологически основным здесь должно быть, на наш взгляд, следующее положение. Вся национальная духовная традиция была основана на напряженном поиске «вечных истин», тех идеалов, которые примирят большинство. Да, мыслители могли говорить о «правде революции», но они никогда не призывали революцию, никогда не были сторонниками жестких мер, никогда не говорили о возможности насильственного изменения действительности. Но вот слова о правде и справедливости были общими.

В этом кроется и секрет «органичности» советской цивилизации для многих людей. «Своим» был не только Владимир Ленин, не только Степан Разин и Емельян Пугачев. Своими были и Лев Толстой, и Федор Достоевский, и Антон Чехов. Как ни парадоксально, противоречия между Владимиром Лениным и, скажем, Львом Толстым в одном, как минимум, пункте не было, хотя один из них был убежденным атеистом, революционером, готовым к насильственным действиям, а второй – национальным Буддой, призывавшим к новой религии и новому миру без насилия и крови. Пункт этот – все та же правда, все та же справедливость. Но это – важнейший для национального сознания пункт.

Надо признать прямо и иное: величайшее зло, величайшая несправедливость

заклучалась в том, что остальные «пункты» идейных, философских разногласий превратились в тексты приговоров: когда реальных, когда метафизических, но от этого не менее страшных. Забыть, где находятся могилы В. Розанова и К. Леонтьева, хуже того, сравнить их с землей, сгноить в лагерях П. Флоренского, вычеркнуть из программ университетов Вл. Соловьева, Н. Бердяева, Д. Мережковского – это, вне всяких сомнений, преступление, тяжкий грех, не позволяющий говорить о единстве духовных традиций.

Таким образом, советская цивилизация вовсе не была проектом, привнесенным в нашу жизнь исключительно с Запада и не имеющим ничего общего с нравственными, духовными, интеллектуальными исканиями национальных мыслителей. Это был и национальный проект, с присущим ему пониманием ценностей, приоритетов. Обращает на себя внимание такой вопрос: почему народное сознание после известных событий начала XX века (Октябрьская революция) готово было безоговорочно принять немцев К. Маркса и Ф. Энгельса в качестве «своих» духовных отцов и никто из революционеров никогда и ничего не заявлял о непримиримости с их немецкостью, никто не говорил о них как об инородцах: ведь еще недавно в окопах воевали с этими самыми немцами. Это произошло, в том числе, и потому, что нашему народу действительно свойственен мессианизм особого рода, основанный на идее решения именно общечеловеческих задач, а не задач узконациональных и потому эгоистических. Вспомним, например, известные призывы Федора Достоевского, который писал в одной из статей в 1861 году, что русский человек сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса. По мнению классика, у него «инстинкт общечеловечности. Он инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях других народов». А теперь вспомните ключевые фразы многих национальных марксистов о том, что у них «нет отечества», что пролетарский интернационализм – это новый

принцип человеческого общежития, что Россия призвана воплотить в своей истории лучшие черты предыдущего развития и идти дальше. Нет ли чувства, что слова разные, а суть, как минимум, близка?

Когда мы утверждаем, что советская цивилизация генетически выросла не только из западной, но и из национальной духовной традиции, то тем самым отмечаем и противоречия этой цивилизации, ее парадоксальность, невозможность определить ее сущность в категориях одной методологии. Можно ли с точки зрения канонов западной рационалистической методологии определить, квалифицировать и систематизировать дела и поступки советских людей, их самопожертвование, их идеализм, следование отвлеченным, казалось бы, умопостроениям? Как, скажем, с этой точки зрения квалифицировать жизнь Павла Корчагина из романа Н. Островского «Как

Строительство
Днепрогэс.
1929 год

закалялась сталь»? Хотя попытки известны. Одна из британских энциклопедий так охарактеризовала сюжетную линию романа: «Это книга о коммерческом и жизненном успехе молодого калеки». Согласится ли поколение советских людей с таким определением? Вряд ли. С другой стороны, как «вписать» в схемы, догмы марксистской методологии то, что туда никак не вписывается: новую экономическую политику 20-х годов, политику в военной сфере (военспецы), «примирение» с государством и чиновничеством старой России и т.д. Или – все это определить по ведомству творческого развития марксизма?

Общеизвестно, что и К. Маркс, и Ф. Энгельс, да и сам В. Ленин были уверены: новая цивилизация возникнет в развитых капиталистических государствах Европы, во Франции, в Германии. Но все случилось в полуазиатской России. Рождения цивилизации в спроектированном западными теоретиками «чистом виде» быть, очевидно, не могло. А то, что события революционного характера произошли в стране с сильными традициями «общечеловечности», борьбы за истину и правду, лишь придало новому государственному устройству те формы и ту сущность, основные черты которых развивались в течение всего XX века. В этом контексте для нас особый интерес представляет такая тема, как судьба белорусской государственности в составе СССР.

Будем реалистами: белорусское государство, БССР, было во многом рождено Великой Октябрьской социалистической революцией. Если бы Российская империя не ветшала столь быстро и столь же быстро не исчезла с исторической арены, национальному самосознанию, национальным государственным силам понадобился бы, очевидно, длительный период для решения важнейшей национальной задачи – строительства суверенного государства. В этом смысле советская цивилизация «выносила» в себе белорусскую государственность, более того, она способствовала развитию многих ее сущностных черт в тот, начальный период своего появления на свет.

Если обратиться к методологическим параметрам изучения вопроса, то первую из проблем, на которых следует сосредоточиться, можно обозначить так: существовали ли альтернативы именно сложившимся формам национального развития? Это тем более важно, что сегодня достаточно часто апеллируют к опыту Белорусской Народной Республики (БНР), называя его опытом первой реальной государственности. Сразу же хочу оговориться: стоило бы лишь приветствовать то, что национальная государственность возникла не в 1991 году, а почти на столетие раньше. Но столь же важно исключить из нашего научного оборота мифологические сюжеты. Принципиальным в этом смысле является не перечень объективных и субъективных

причин, которые привели, например, к краху БНР, не предпосылки массовой советизации наших земель в первой четверти прошлого века, а реальное положение вещей. Можно сколько угодно рассуждать о том, почему получилось так, а не иначе, но историческая реальность всегда выше любых метафизических, да и историографических спекуляций.

Советский плакат.
1920 год

К слову, этот же подход может быть применен к событиям, связанным с гибелью СССР. Сегодня нет недостатка в разного рода версиях, гипотезах случившегося в декабре 1991 года, причем, вполне

убедительных. Но все они имеют смысл в очень узких пределах эвристического поиска. Сути это нисколько не меняет: СССР «умер», а это значит, что в момент его ухода все мыслимые альтернативы развития тут же перешли в разряд научной или околонаучной фантастики.

Иногда можно услышать мнение: тот или иной феномен изучается в аспекте альтернативности с целью извлечения неких выводов, дабы не повторять те или иные непродуктивные (ошибочные) действия в дальнейшем. Однако это иллюзорная надежда – и вовсе не потому, что «история учит тому, что она ничему не учит». Ведь если история учит тому, что ничему не учит, то она уже чему-то учит. Но главное не в парадоксах и софизмах, а в том, что есть осуществленный исторический процесс – альфа и омега любых исторических реминисценций. С этой точки зрения советский путь белорусской государственности на первых этапах ее жизни определяет и направления исследования данного феномена, и его оценки, и основные методологические подходы. Здесь диалектика двоякого рода. С одной стороны, есть та реальность, которая определяет наши подходы к ее изучению. С другой стороны, мы вовсе не находимся в плену у этой реальности. Мы

можем позволить себе выбор тем, методик, методов ее изучения, осознавая свою принадлежность этой же эпохе.

Есть и еще одна важная проблема. Ее можно обозначить в виде диалектики общего и особенного в строительстве государства – как общего, федеративного, так и национального. Или, иными словами: строительство союзной государственности способствовало развитию национальной государственности или же затрудняло ее? Каковы были особенности этого строительства, о какой специфике можно вести речь? Представляется, что один из ответов на эти непростые вопросы может выглядеть так: это был неоднородный, противоречивый процесс, в котором имели место отступления от классического марксистского понимания. Было то, что можно назвать

Во время празднования Дня Победы в городском поселке Воропаево Поставского района. 1975 год

теоретическим развитием темы, но общий итог этого развития следует считать, вне сомнений, позитивным.

Не надо забывать, что формирование белорусской государственности в рамках СССР осуществлялось фактически с нуля – как в теоретическом, так и в практическом плане. Национальные кадры только-только начинали формироваться, те группы прогрессивно мыслящей национальной интеллигенции, которые заявляли о себе в конце XIX века, были малочисленны, неорганизованны, не представляли реальной национальной силы. Бурный рост национального самосознания стал во многом следствием раскрепощения масс, раскрепощения национальной интеллигенции. Потому столь

быстро возникли и его первые реальные плоды – белорусизация, появление первого национального университета, реальные достижения литераторов, деятелей культуры в целом. То есть создание и развитие советского государства, формирование советской цивилизации сопровождалось появлением первых ростков цивилизации национальной.

Вместе с тем нельзя не говорить и о том, что советская цивилизация, несомненно приоритетная в сравнении с цивилизацией национальной (в данном случае – белорусской), способствовала не только росту и расцвету последней, но и уничтожала те ее плоды, те ее достижения, которые противоречили известным искусственным теоретическим схемам, преобладающим над требованиями жизни и глубинными требованиями развития национального духа. Мы часто фокусируем внимание на противоречии такого рода. Ведь был социальный оптимизм масс, было их действительно реальное, живое творчество, было то, что по отношению к иным цивилизациям называют «зарей», «началом расцвета» и одновременно было совсем иное. Фактически, мы имеем дело с противоположными по направлению и характеру процессами.

В связи с этим применительно к нашему сегодняшнему состоянию, нашим нынешним национальным задачам и целям важно определиться, надо ли отказываться от советского опыта, от всего того, чем была наполнена наша жизнь еще вчера. В методологическом аспекте решение этого вопроса зависит от ряда факторов. Перечислим некоторые из них. Это, во-первых, ментальная предрасположенность к накоплению социального опыта и репродуцированию его в будущих поколениях. Во-вторых, это «традиция традиции», означающая, сформировано ли в обществе уважение к традиции и понимание важности линии на преемственность развития. В-третьих, это состояние самого белорусского общества, его политико-экономические реалии.

Что касается третьего пункта, то он означает зрелость, стабильность общества, его готовность к компромиссам, отсутствие резких, полярных мнений, чреватых социальными столкновениями. Почему, скажем, современное английское общество оста-

ется традиционным по сути? Да потому, что в основе этой традиционности лежит единство в понимании стратегии развития английского общества и государства, основанное на все той же исторической традиции. И эта традиционность носит стабилизирующий для общества характер. Стоит вспомнить, как У. Черчилль после Второй мировой войны на вопрос о том, помогал или мешал ему в сложнейший военный период институт монархии, ответил так: где-то помогал, где-то мешал, но без него войну мы бы не выиграли.

У нас же такого рода единство иногда подвергается атакам со стороны тех сил и тех деятелей, которые не приемлют реализуемого Президентом Беларуси А. Лукашенко курса. И у нас, в отличие от английской, национальная история до сих пор является ареной столкновения не только историков, но и идеологов. Да, у нас не сложилась культура традиций, культура преемственности. У нас даже не сложилась – в спектре политических партий – консервативная партия. Но у нас должно быть понимание необходимости формирования традиционного общества. Не в смысле исключительно охранительном, а в свете того непреложного факта, что каждое поколение начинает жизнь не с чистого листа, а на плечах своих предшественников.

Справедливости ради нужно сказать, что «традиций формирования традиций» у нас немного. Уже на наших глазах началось ниспровержение советских ценностей, которые наши отцы и деды формировали в далеко не простых условиях выживания в ходе войн и разрухи. И чему здесь удивляться: традиции царского периода, времен Российской империи тоже были благополучно уничтожены. Очевидно, что белорусское общество, несмотря на имеющие иногда место упреки в консервативности и даже патриархальности, нуждается, тем не менее, в осознании важности и необходимости понимания связи времен. И логическая, смысловая цепочка, которую мы протягиваем от времен Полоцкого княжества до современной независимой Беларуси, есть следствие того, что нам удается добиваться поставленных целей.

Ныне популярны прагматические установки на креативность и первоочередность

практических целей и задач. Это понятно: общество в каком-то смысле устало от идеалистических клише периода развитого социализма и дезавуирует их путем обращения к материальному.

Советское общество «перекормило» нас идеалистическими формулами о царстве всеобщего благоденствия, коммунистическими проектами, и психологически такой поворот к меркантильности, прагматичности вполне понятен. Но уже сегодня заметно понимание того, что с водой мы в очередной раз выплеснули и ребенка. Становится очевидным: прагматизм – не гарантия общественного согласия, общественного довольства и благополучия, он вовсе не синоним прогресса. Прагматизм не может выступать в роли общественного идеала по определению, поскольку сам по себе не решает основных вопросов человеческого общежития. Чтобы это констатировать, вовсе не надо быть философом.

Сегодня в обществе заметен очередной поворот к идеальным конструкциям. Это происходит вовсе не для того, чтобы зачеркнуть материальную стабильность, жизненный успех и прочие базисные вещи, которых добилось большинство. Но для преодоления социальных язв, наркомании, преступности, уменьшения числа суицидов мало «хороших законов» и «повышения уровня благосостояния». Вообще, для развития общества мало цифр и дел, нужны идеалы, нужны идеальные цели. Советское общество в этом смысле – наглядный пример. Потому что понять многие вещи (победа в войне, восстановление народного хозяйства) вне идеальных целей, которые ставили перед собой советские люди, невозможно. Идеал в этом смысле действительно становился реальной материалистической силой.

В качестве заключения хочу сказать: нам не нужна «советизация сознания». Нам нужно понимание важности единства времен, необходимости консервативности мышления, пусть и в ограниченных пределах, сохранения лучшего и важнейшего в нашем национальном развитии. И здесь тема советской цивилизации, ее изучение и интерес к ней может сыграть неопределимую роль. ─

